

VI Международная Богословская конференция
Русской Православной Церкви

Жизнь во Христе: христианская нравственность,
аскетическое предание Церкви и вызовы современной эпохи

Димитър Попмаринов

(Болгарский Патриархат)

ПРАВОСЛАВНЫЙ ЭТОС В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

После окончания речи ап. Петра на Пятидесятнице и после снисхождения Святого Духа, когда его слушатели поняли все, что он им сказал, они спросили: «что нам делать?» (Деян. 2:37). Этот вопрос остается актуальным и по сей день. Церковь должна решать его в историческом плане, а каждый христианин должен решать его в плане личном. Поэтому можно сказать, что он является постоянно актуальным. Он имеет динамическое и контекстуальное содержание. Динамическое связывается с нашим сознанием о греховности и с постоянным стремлением к покаянию, чтобы очиститься, и жить в Святом Духе. Каждый человек испытывает необходимость в уверенности в правоте веры, и поэтому необходима постоянная борьба за ее утверждение и поддержание. В общностном, в церковном плане этот вопрос приобретает институциональный характер. Крещение есть однократный акт, но в нем заложена динамика нашей постоянной борьбы за совершенство в каждом контексте и эпоху (Мат. 5:48). И в обоих случаях нужно постоянно актуализировать ответ на вопрос: «что нам делать?». В современном мире этот вопрос приобретает новые, незнакомые до сих пор измерения. Уже нет существующей раньше мнимой стабильности мира. Равновесие мира сегодня не зиждется на его естественном состоянии, а на воле человека. Состояние мира могут расшатать как отдельная политическая личность, так и какое-то событие. Взаимозависимость государств, общества и людей делает мир единым. Это единство мира держится на экономической, политической, энергетической и технологической взаимозависимостях. Это есть внешнее единство – это единство в зависимости, материальное единство. Это единство зиждется на основании разных опасений – это нездоровое единство в страхе. Оно обусловлено отсутствием единой системы ценностей. Технологический восход опережает развитие системы ценностей в глобальном плане. Получается опасный дисбаланс между технологическими возможностями на уровне микрокосмоса (как напр. генетическое инженерство) и макрокосмоса (как напр. оружия массового уничтожения), с одной стороны, и действиями человека, с другой. С нарастанием глобализма нарастает и глобальная зависимость в мире. Это касается как общества, так и каждой отдельной личности. В наши дни появился радикальный вызов, который отправлен как к обществу в целом, так и к религиозным институциям, в том числе и к Православию в частности. Для нас, православных верующих, очень важно ответить на вопрос «что нам делать?» именно сегодня. И это нужно не только нам, но также и другим людям, ищущим ответ на нашу надежду (1 Петр. 3:15).

* * *

В этой работе я буду пользоваться словом этос в широком контексте. В теме очень важным является момент различимости, т. е. идентичности православного мира среди остальных религиозных миров. Это понятие, в основном, включает

духовность (святость), Церковь как институцию, социальный статус, этническое многообразие и т. д.

Как известно, мы очень легко можем описать отрицательные реальности, которыми охвачен мир, потому что у нас есть личный отрицательный опыт. Подобный анализ постоянно делают многие исследователи, предлагая разные точки зрения. В этом плане написано слишком много и в православной литературе. В эмпирическом аспекте мы тоже знаем слишком много. Но нам нужен положительный ответ, а дать его не так легко. Делать плохие дела всегда легче, чем делать добрые дела. Когда здесь идет речь о добрых делах, я имею в виду не только этические, но, прежде всего, духовные дела. Этическая правильность не всегда есть духовная правильность. Вопреки тому, сегодня мир нуждается в какой-то единой общей этической системе как минимум добра. Взаимная зависимость, взаимная обусловленность требует этого. Глобальный мир становится все больше крошечным. Человечеству, отказавшемуся от Бога, сейчас очень трудно нести на себя ответственность за мир.

В эпоху постмодернизма наблюдается крайний индивидуализм, который в личном и общественном плане переходит в настоящий эгоцентризм. Утрата Бога превращает человека от личности в индивида. Истина становится относительной категорией. У современного человека наступает патология гипертрофированного Я. Субъективное Я приравняется истине. Свобода Я сакрализуется – человек обожествляет себя. Появляются новые идола в области науки, искусства, политики. Технологическая среда создает новую виртуальную реальность, которая усугубляет индивидуализм. Личностные отношения замещаются электронными образами. Общение между людьми приобретает новый, незнакомый до сих пор порядок. Эти отношения изолируют, разобщают людей. Они создают иллюзии о близости, но эта близость ложная, фальшивая. Создается новый технологическо-технический этос, новое сознание, которые делают мир и человека антропоцентричными, эгоцентричными. Трансцендентность бытия не интересует больше человека. Для него этот мир вполне достаточен. Он примирился с конечностью этого мира и не хочет вечности. Современная цивилизация выбирает путь самодостаточности, человек тоже воспитывается думать и жить таким образом. Человеку Бог не нужен. Потребление превращается в основной идол современного человека. Человек примирился с крайностью этого мира и поэтому хочет брать все, что возможно, сегодня - *hic et nunc*.

Экзистенциальный тупик современного человека ставит очень серьезные вопросы перед всеми обществами. Преобладающая на Западе секулярная культура бросает очень серьезный вызов религиозным кругам и церквям на Западе. Ответов там легко не найти. Этос западной мысли зиждется, прежде всего, на рационалистическом складе. Там философия и богословие очень часто взаимообусловлены и взаимозаменяемы. Диалог и взаимодействие между ними порождает интересные дискуссии. Так для Римо-католической церкви очень важной является проблема общества и соответственно проблема политики. И поныне существует сильное напряжение в отношениях веры и разума. Хотя оно и не так радикально, как было в прежних веках, но Римо-католическая церковь должна его решить. Перемирие между верой и разумом, которое случилось в эпоху секуляризации, оказывается, имеет временной характер. Вследствие этого решение не было найдено и поэтому в это время родились новые демоны. Основной проблемой разума и веры в этосе западной мысли является претензия, что они владельцы универсальной истины. Раньше, во время Реформации и Просвещения, разум помог Римской церкви освободиться от своих патологий. Настало время, утверждал будущий папа Римский Ратцингер, когда вера должна помочь разуму

освободиться от своих патологий, накопленных во время секуляризации¹. Сейчас секулярное мышление не сомневается в себя, а еще до недавнего времени оно упрекало религию, что она не сомневается в себя. Пришло уже то время, когда вера должна помочь секулярному мышлению не только усомниться в своей правоте, но и увидеть свои патологии. Потому что экзистенциальный рационалистический оптимизм модернизма сегодня приводит к экзистенциальному иррационализму, субъективизму и пессимизму постмодерности. Это есть духовное отчаяние, отчаяние, сомневающееся в том, что смысл возможен, другими словами – это отказ от онтологии, т. е. от действительного бытия. Это отчаяние порождается осознанием невозможности человеческого разума убедиться в своей самодостаточности – «отчуждалась от себя человеческая рациональность, качается и воздвигается как единственный инструмент толкования реальности»².

Поэтому разум должен допустить надзор веры над собой, чтобы не впасть в самодовлеющий нарциссизм. Довольно правдивы слова Ратцингера, что «отрицательный опыт христиан, которые говорят о Боге, но живут против Его (заповедей, ДП), омрачают Божьего образа и открывают двери неверия»³. То же самое можно сказать и о православном образе жизни. Мы часто говорим, но не делаем (Мат. 23:3) и поэтому Бога хулят у язычников (Ис. 52:5; Рим. 2:24).

Этот диалог между верой и разумом имеет кардинальное значение для современного развития западного мира. Либеральная модель развития общества создает среду для развития антилиберальных течений. Либеральная модель держится на глубокой христианской вере, где высшая ценность есть свобода. Проблема в том, что эту свободу либерализм отвоевал не у кого-то другого, а у Римско-католической церкви. Поэтому в историческом плане, после Реформации и Просвещения, либерализм приобрел секулярную форму, он отверг Церковь (Римскую) как источник и гарант свободы и стал отождествлять церковную институцию с несвободой. Эта новая свобода, свобода без Церкви, без высшего, трансцендентного авторитета, стала автономной, человеческой. Но как свобода только человеческая, она теряет единство, у нее нет центра. Поэтому она вырождается в крайний оптимизм модернизма и в крайний субъективизм постмодернизма, во фрагментацию общества. Она зиждется, прежде всего, на внешних отношениях – экономика, финансы, технологические связи и теряет нужное ее внутреннее единство. У нее уже нет центра. Эта свобода отрицает Бога. Борьба за либерализм, за свободу без Бога, привела к появлению в мире обеих самых страшных идеологий: коммунистической и фашистской. После потери Бога нужен был новый объединяющий центр. Фашизм породил сверхчеловека Ницше и немецкую сверхнацию. В коммунизме центром стал коллективный человек – пролетариат (Н. Бердяев). Их мессианская претензия на истину, т. е. на смысл существования, как центр, как твердое основание, привели к самой ужасной войне на земле.

В современном глобальном мире многие из этих новых идей вторгаются преимущественно в жизнь стран с православной культурой, с православным этосом. Как говорит архиепископ Анастасиос: «Наши общие концепции о прогрессе и развитии основаны на западной модели, и они развиваются, прежде всего, в больших городах – мегаполисах. Разные средства осведомления, спутниковое телевидение, непрестанно предлагают людям всего мира модели современной жизни, которые созданы в этих больших центрах власти и которые обслуживают их

¹ See: J. Ratzinger, The Religion According to Reason. In: Cardinal Ratzinger on Europe's Crisis of Culture (Part 4) Subiaco, July 29, 2005. <http://www.zenit.org/index.php?> – 15.09.2009.

² K. M. George, The Silent Roots. Geneva, 1994, p. 37.

³ Ibid.

интересы»⁴. Все это оправдывается принципами свободы и либерализма. Серьезной проблемой для православных стран является обстоятельство, что эта либеральная модель (плохая или хорошая – это совсем другой вопрос) родилась в неправославной среде. Она отвечает этосу западной, а не православной культуры. Она характеризуется, прежде всего, своей хорошей внешней организацией, действующей правовой системой и, как следствие, хорошим общественным порядком. С нарастанием глобализации и взаимозависимости в экономическом, политическом, технологическом плане страны православного этоса – хотят они или не хотят – должны соотноситься с этой либеральной моделью. Это актуально прежде всего для стран, являющихся членами Европейского Союза.

Так как православная Церковь не связывается (в идеальном плане) с политическим строем государства, в котором она находится, очень важно отметить, что это не означает незаинтересованность в том, что происходит в политике, определяющей жизнь православного населения. Большая часть населения в этих странах, вопреки секуляризации, состоит в Православной Церкви, а не в какой-то партии. А, с другой стороны, христиане, члены Церкви, состоят в разных партиях, которые часто радикально противостоят друг другу. Чтобы выполнить свою роль, Церковь должна не вмешиваться в политическую жизнь, а на основе своего учения предлагать решения, тушить напряжения и указывать на Евангелие, как на пример подражания. Для православных очень важно отметить, что эту либеральную (да и каждую другую) модель нужно трансформировать изнутри, христианизировать на основе ее состава – членов Православной Церкви. Как уже было сказано, корни либеральной модели уходят глубоко в христианское учение о свободе и любви. Как православные мы должны придать этой модели православный дух, заполнить ее православным содержанием – т.е. тем, что она утратила в христианском Западе. Сегодня для секулярных западных обществ Иисус Христос является только частным вопросом. Его изгнали или изгоняют из школы, общественной жизни, смотрят на Него только как на личный ангажемент. Это привело к тому, что многие члены западного общества с нехристианскими корнями не принимают эту модель. А все это, со своей стороны, привело к нарастанию разных фундаменталистских течений, террористических нападений и к формированию религиозных гетто. Подобное либеральное развитие общества может превратиться в шанс для православных. Но православные общества должны не механически копировать эту либеральную модель, а трансформировать ее. Это будет на пользу не только православных обществ, но и западных. Православная Церковь, начиная внутренний процесс преобразования общества, должна осуществить миссию, чья конечная цель – сделать это общество христоцентричным. Она должна настаивать на то, что это возможно только пребывая во Иисусе Христе. И это должно быть не столько настаиванием, сколько примером реальной жизни в Иисусе Христе как каждого члена Церкви, так и церковной общности в целом. Иисус Христос должен вселиться как в сердце каждого человека, так и в обществе в целом. Тогда уже начнется та внутренняя трансформация, которая приведет к преобразению общества, к новой социальной реальности, к реализации православного этоса. Все это многим, может быть, кажется какой-то утопией, но ее можно превратить в действительность только верою в Самого Иисуса Христа и делами Его учения. Глобализация часто описывается только в негативных красках. И, конечно, это в большой степени, правда. Глобализация способствует манипуляции общества, создает свою культуру (часто это субкультура или культурная эклектика) с претензиями на то, что это самая хорошая культура. Все это основывается на модели западного капитализма, на свободе рынка, и ее динамика обусловлена только прибылью. В этом смысле «глобализация не есть просто экономический процесс. Она есть инвазия – прямо

⁴ Архиепископ Анастасий Янулатос. Православие и глобализация. Силистра. 2005, с. 175.

или косвенно – системы мышления, которая игнорирует или разрушает неповторимые характеристики отдельных народов и наций. Она оставляет в стороне или вполне уничтожает такие ценности как приязнь, честность и воздержание. Она выдвигает на передний план потребление и непрестанную погоню за прибылью как модель, которая часто убивает человеческие отношения»⁵. Но она имеет и положительное значение. Она представляет собой только процесс естественного развития общества, она не есть нечто плохое само по себе. Либеральный режим в эпоху глобализации позволяет передвижения людей, свободный выбор местожительства. Представители разных народов встречаются друг друга и узнают о себе непосредственно. Примером этого являются те новые и большие эмигрантские группы, отправившиеся из православных стран в западные общества. Они помогают западному человеку познакомиться с истиной Православия. Многие через Православие снова открывают Христа и встречаются с Ним. Они понимают, что православная диаспора не только не создает этим обществам проблем, но даже вписывается в них. Люди живут в хорошей гармонии с остальными. Для православных жизнь во Христе означает быть в истине, а не бороться за какой-то перевес – институциональный или государственный.

На основе опыта, накопленного нашими братьями на Западе и православными церквями в западных либеральных странах, странам с преобладающим православным населением, предоставляется возможность попытаться организовать свою модель общества. Она может сочетать преимущества западной модели с ее внешней организованностью, правовой системой с православной духовностью и таким образом создать возможность для трансформации общества изнутри. Это значит, что Церковь как институция должна ответить на определенные моральные и экзистенциальные вопросы: о семье, о гражданских структурах (воцерковляя их), об общественной жизни. Но это не значит, что она должна политизировать себя или впадать в секуляризацию. Напротив, она должна постоянно бороться за правильное понимание православного этоса. Она должна постоянно объяснять, что с православной точки зрения христианскую жизнь нельзя понимать как сугубо частную, личную. Каждый верующий является членом общества и он должен иметь права в этом обществе не только как гражданин, но и как верующий. Церковь тоже должна иметь свое место в обществе, чтобы являлась в какой то мере нравственным коррективом.

Массовая культура, распространяющаяся в мире сего, уходит своими корнями в либеральный, секулярный этос общества Запада. Часто модель этой культуры, которая в настоящее время является в лучшей степени религиозно нейтральной (как она думает себя), а по сути дела антихристианской, принимается некритически, как нечто нормальное. Эта «нормальность» незаметно просачивается среди этоса православных и рушит православный образ жизни, православную духовность. Она подталкивает людей в Церкви принимать некритично проблемы, связанные с самыми важными вопросами Православия – вопросами жизни. Такими являются, например, вопросы биоэтики: аборты, эвтаназия, гомосексуализм и пр. То, что мы, православные, рассматриваем как грех, как рабство греха (Рим. 6:6, 17), секулярный, либеральный этос воспринимает как свободу. Эта модель навязывает свои моральные рамки в обществе через культуру и правовую систему.

В этой либеральной среде часто водится открытая антихристианская и антицерковная пропаганда. Часто выразителями этой обиды христианства становятся крайние церковные люди и группы. Конечно, они имеют право на это. Но когда православные люди протестуют, остальная часть общества часто не понимает, чего они, христиане, хотят. Тогда они становятся меньшинством.

⁵ Там же, с. 178.

Воинствующее бесстыдство чувствует себя не только победителем, но и морально правым. Подобная ситуация очень часто получается и вследствие неумения православных сформулировать свои идеи. Очень часто они только отрицают данный факт или обвиняют остальных в нехватке морали и в разных других грехах. Таким образом вопрос нельзя решить. Эти люди просто отвечают, что они не хотят вести себя так, как православным хотелось бы. Чтобы разрешить этот вопрос, мы, как православные, должны не только задуматься, проанализировать факты, но и дать пример. То есть предложить не только словесный ответ, но и ответ через дело. Тогда заново будет дан и ответ на вопрос: «Что нам делать?»⁶.

Из сказанного до сих пор можно сделать вывод, что для православных очень важным является вопрос о святости. А, как известно, это не теоретический, а практический вопрос. Каждый человек призван быть святым, но это возможно не через приказ или институциональный заказ, через социальные организации или через правовой порядок. Конечно, всеми этими инструментами надо пользоваться в возможной полноте, но они не являются целью. Они суть только средство. И, наверное, здесь очевидно, что сегодня православный этос расходится с христианским этосом Запада. Для этого этоса социальная организация жизни, этически совершенная судебная система суть решения проблемы. Для православия, однако, это есть только возможный минимум. Оно уходит за эти рамки. Оно хочет прежде тем, как устроить совершенную социальную систему, устроить человека, который стремится к совершенству. Для православного сознания совершенная система является следствием духовного возрастания людей в Церкви, а не целью сама по себе. Начатки этого общества обнаруживаем в далеком прошлом – в Византии и в остальных православных государствах. Но история оборвала все. Этот путь является самым трудным, и поэтому сопротивление было самым сильным. Исторически так получилось, что это развитие не дошло до конца. Но сейчас предоставляется новая возможность и ее нельзя упустить.

Как говорит в Евангелии наш Спаситель не вливают «вина молодого в мехи ветхие» (Мат. 9:17). На современное состояние мира Православие должно смотреть как на новые мехи, которые нужно заполнить новым содержанием. Как известно из православного духовного опыта, с нарастанием зла в мире, как контрапункт Бог увеличивает Свою благодать. Кризис, в котором находится сегодня мир, является одновременно и шансом. Каждый кризис сам по себе является внутренним судом истории (Н. Бердяев). А каждый суд показывает, что надо поправляться. И в этом есть возможность. Глобализация роста и усугубление централизации в мире, как продукт либерального развития общества, не является только детерминирующим фактором. Она позволяет быстрые связи, способствует передвижению людей. А это уже есть механизм, который позволяет усиление православной миссии как новое свидетельство о Христе. Секулярный мир объединяется внешним образом – механически, т. е. материально, экономически, политически, глобально. Это объединение можно использовать в целях миссии. Единство современного глобального мира напоминает единство мира во время Христа. Тогда римский мир представлял собой весь мир. Именно тогда Церковь успела преобразить этот мир изнутри. Сегодня предоставляется подобная возможность. Церковь, на основе своей духовности, всегда трансцендирует этот внешний мир – живя в нем, пользуясь им, но не отождествляясь с ним (Иоан 17:14). Церковь по своей сущности глобальна по своему. Она глобальна в отношении души человека и человеческих общностей. Она связывает людей не внешним образом, а через узы соборности. Церковная

⁶ Такой ответ, может быть, дан в Словении. Там был организован концерт скандальной для христиан популярной певицы Мадоны. Концерт пропал, потому что не было желающих посетить его. Этот факт показывает, что необходимо создать такой образ жизни, который не вызывал бы желаний посещать такие зрелища.

соборность, которая строит себя на любви Бога и ближнего (Йоан 17:21), есть настоящий ответ и преодоление глобализма. Это означает, что очень важной для православных является работа по повышению сознания о соборном характере Православия. Усиление этого сознания дает возможность духовным образом, непосредственно почувствовать как единство Православия, так и его единство во Христе. Поэтому, как говорить о. Т. Хопко, «нужно принуждать себя поставить Христа и только Христа в центре наших забот, и чтоб мы делали то, что есть «угодно Святому Духу и нам» в согласии «Христова ума»⁷. Только жизнь во Христе, а, не пустые слова, характеризуют Православие как настоящую духовную общность, как Церковь. Иначе, пустые слова превращают Православие в идеологию, а, как известно, идеология обслуживает прежде всего внешние, материальные интересы. И если это делается по-настоящему, это и есть один из ответов на вопрос: „Что нам делать?“. «Самая большая задача Церкви, говорит арх. Анастасий, есть духовное возрождение человеческого рода, спасение во Христе, приобретение смысла жизни. Этим Церковь предлагает то, что является самым важным: она культивирует сознание и формирует личность людей. Таким образом они могут укрепить и обновить систему общества. То, в чем мы нуждаемся в современной эпохе, - это люди с характером, видением и упорством; люди с нелицемерной любовью, люди, которые противятся себялюбию – индивидуальному, национальному или расовому. Дерзость, властолюбие и лицемерие, характерны не только для больших и мощных государств, но они сверкают и в наших душах»⁸. Совершенная социальная модель, построенная на основе Православия, неосуществима. Но это не означает, что на основе православного учения невозможно осуществить православную модель. Однако, идеалом и соответственно выполнением и вершиной этой модели всегда будет Царствие Божье, т. е. она всегда будет находиться в процессе совершенствования посредством стремления человека к Богу «в духе и истине» (Йоан 4:24). Конечно, это путь не легкий. Надо преодолевать не только внешнее сопротивление секулярного мира, но и внутренние разделения: канонические, национальные, административные и т. д. Для преодоления этих проблем нужен не только хороший разговор, умение договариваться, но прежде всего нужна любовь. Это будет новый подвиг – в постхристианском мире проповедывать Христа. Для этого необходимо, как говорит о. Иоанн Брек, чтобы «Спаситель вошел в полноту нашего исторического опыта, в нашу повседневную действительность. Так, как до того было необходимо, чтобы приготовление, ведущее к Воплощению, к полноте Откровения в Присутствии Эммануила, Бога, Сущего с нами в Лице Иисуса из Назарета, – чтобы все это было столь же глубоко и действительно укоренено в рамках человеческой истории, во времени и пространстве»⁹. Это необходимо, потому что человек растворяется в консюмеризме. Человеческая жизнь больше не характеризуется теоцентричностью, христоцентричностью, она эгоцентрична, геоцентрична. Поэтому вера превращается в суеверие. Психологизм принимается как духовность. Люди веруют в самые абсурдные вещи – творится новая мифология, которая очень часто переходит в суеверие. Поэтому борьба с суеверием сегодня очень актуальна. Оно проявляется в разных новых формах. Суеверие подменяет веру и человек часто принимает его как настоящую веру. И это, потому что веру нельзя оценивать как лучшую или плохую. Невозможно найти объективный критерий, потому что она сама создает критерии. Вера – это непосредственная убежденность во владении истиной. Поэтому суеверие выгоняется только просветлением ума через святую жизнь.

⁷ Thomas Hopko. Orthodoxy in Post-Modern Pluralist Societies. The Ecumenical Review, 1999, v. 51, 4, p. 367.

⁸ Архиепископ Анастасий Янулатос, пос. съч, с. 188.

⁹ Иоанн Брек. Как читать Ветхий Завет? Mensuel Service Orthodoxe de Presse. Supplement №250, 2002.

Разум помогает вере, но не рождает ее. Вера зиждется не на утверждениях разума, а на основе Божьей благодати, на утверждении опыта. Поэтому православная вера держится на святости, а не на рационалистических предпосылках. Поэтому настоящую православную веру во Христа можно приобрести только двумя способами: первый, - когда по Божьей милости человек родился в православной среде, где есть настоящая духовная жизнь; и второй, - когда он должен пройти очень тернистый и трудный путь богоискательства, преодоления соблазны внешнего мира и найти мир и покой для своей души во Христе чрез Церковь. И в обоих способах объективная соблазн одна и та же. Это внешний мир с его искушениями – материальные (консюмеризм, внешние удовольствия, в смысле easy life) и ментально-духовные (сомнение в вере, соблазны человеческого фактора в институциональной Церкви, новые религиозные течения, секты, культы и т. д.). И в обоих случаях самый важный путь - это есть возрастание во Христе. Путь во Христе одновременно легкий и трудный, тернистый. Путь ко Христу - это путь к святости. Через веру человек идет по пути святости. А приобретение святости возможно только через жертвы – человек должен жертвовать свои плохие привычки, отказаться от многих соблазнов. А это не легко. Тогда человеку нужен хороший пример, пример святости – святость как в отдельных православных людях, так и в общности православных. Тогда человек становится гражданином Царствия Божия еще на земле, потому что святость охватывает духовный мир, былые, настоящие и будущие поколения в Церкви Христовой. Святость утверждает соборность Церкви, а соборность Церкви - это есть церковный «глобализм», который выходит за пределы этого мира. Святость трансцендирует мир, а православная соборность есть настоящая, духовная альтернатива материального глобализма. Святость – это самый важный элемент Православия. Это сердце, душа Православия. Святость становится основным элементом этоса православной общности, и точнее самим этосом Православия. Святость есть свидетельство о близости человека с Богом, о единении с Богом в нетварном Фаворском свете. Поэтому секуляризм и производный ему глобализм можно преодолеть только Божьей помощью, трансцендируя их православной святостью в личном и общностном плане.

Свобода человека находится в рамках законов, которые Бог сотворил и заложил в человеке и во вселенной. Человек не может выйти за рамки этих законов. В этом есть и его тварность. Человек не знает существуют ли за рамками этих законов другие законы, законы вечности? Как протекает жизнь в вечности? Это можно узнать только живя в святости. Святость трансцендирует знакомые нам законы. Но чтобы получить святость, человек должен стать последователем Христа не словом, а делом. Поставленный на Пятидесятнице вопрос «Что нам делать?» имеет динамический характер. Последователи Христа должны быть не только пассивными слушателями, но и люди деятельными. И эта деятельность, в своей высшей форме, находится на духовном уровне. Снаружи она не видна, но она видна в духовном опыте. Экстравертность человеческого сердца сегодня поработает человека. Человек становится узником внешнего мира, узником непрестанно меняющейся внешней действительности. Ему приходится ее преодолевать, и в этом сконцентрирована его деятельность. Когда он говорит, что он свободен, и когда радуется своей свободе, то всущности он радуется своему рабству – внешней и обманчивой свободе, свободе в грехе. Ответ на вопрос «что нам делать?» каждый христианин должен дать сначала себе. И он должен, во-первых, приобрести мир, внутренней мир, чтобы люди вокруг нас приобрели тот же мир и чтобы общество тоже приобрело этот мир. Этот внутренний мир обуславливает и присутствие мира внешнего – мира в смысле ветхозаветного «шалом», который имел виду Иисус Христос, говоря Своим ученикам «Мир Мой даю вам» (Йоан 14:27).

* * *

В заключение можно сказать, что энос Православия есть святость. А святость - это есть дар Бога, который дан человеку, чтоб он подошел ближе к Ним. Сегодня глобализация, которая является концом модернизма и материализованной идеей универсализация мира, концом истории (Ф. Фукуяма), превращается в секулярную эсхатологию. Постмодернизм со своей рационалистическо-иррациональной неуверенностью переходит в экзистенциальную неуверенность. Все это возрождает новые искания Бога, уже начинают говорить о процессе десекуляризации (П. Бергер). Поэтому стремление к святости является как единственным путем к спасению каждого отдельного человека, так и одухотворением общества. Подобное развитие представляет собой не только возможностью для Православия свидетельствовать об Иисусе Христе, но и обязательством. И поскольку человеческая душа по своей природе является христианкой (Тертуллиан), то это является естественным процессом. Святость умунепостижимым путем сохраняет свободу личности, приближая ее к Богу.

Следовательно, можно утверждать, что святость человека начинается на земле, одухотворяет общество и продолжает на небе.